

Государственный фактор в развитии дворянского предпринимательства белорусских губерний в конце XIX — начале XX в.

В белорусской историографии принято мнение (А. П. Житко, А. Л. Киштымов, В. С. Путик) о том, что местное (преимущественно, польское) дворянство в целом успешно адаптировалось к новым условиям. Однако следует иметь в виду, что речь идёт о чём-то относительном. Так, процессы сокращения помещичьего (дворянского) землевладения и занятых под хозяйственную деятельность площадей, а также вынужденная продажа имений и уход от ведения дел на земле характеризовали в целом поместное дворянство и в Беларуси. Иное дело, что процессы эти шли более медленно (несмотря даже на угнетающую роль ограничительного российского имперского законодательства и практики в отношении местного дворянства), чем вообще в России.

В отношении обозначенной выше проблемы следует раскрыть точку зрения авторов о характере дворянского предпринимательства на белорусских землях после отмены крепостного права и о роли государственной политики для развития местного капиталистического хозяйства. Так, В. С. Путик отмечал, что переход от старых полупрефектуральных форм хозяйства в польском имении в Беларуси к новым, капиталистическим произошёл в конце 80-х и в 90-е гг. XIX в., когда свершился подъём помещичьего хозяйства в стране. В доказательство им приводится расширение посевных площадей: уже 1887 г. дал рост по отношению к 1881 г. по четырём белорусским губерниям — с 5328 тыс. десятин до 5716 тыс. Рост продолжался ещё и в начале XX в. Процесс сопровождался вложением капитала: крупные помещичьи хозяйства завелись сельскохозяйственными машинами, стали применять искусственные удобрения, вели дела в соответствии с требованиями агрономической науки. В итоге, по мнению исследователя, «Капіталізаваны маёнтак у Беларусі зрабіўся прыкладам тэхнічнай высокапастаўленай гаспадаркі, ператварыўся ў аграрнага культуртрэгера ў тэхнічна адсталай і беднай капіталамі Беларусі»¹. Также оптимистично трактует развитие хозяйства в имениях А. Л. Киштымов. Например, он говорит об «экономическом реванше» местного польского дворянства над российским за поражение в правах первых согласно «ограничительному законодательству»².

Пожалуй, наиболее взвешенно характеризует положение помещичьего хозяйства в Беларуси А. П. Житко. Важно отметить, что историк в своей работе 2003 г. аргу-

¹ Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму: вуч. дапам.: у 5 ч. / склад. А. П. Жытко [і інш.]. — Ч. 1: Урадавая сацыяльная палітыка ў аграрным сектары эканомікі. — Мінск: БДПУ, 2005. — С. 56.

² Киштымов, А. Л. Экономический потенциал белорусской усадьбы в конце XVIII — начале XX века / А. Л. Киштымов // Исторические усадьбы Беларуси: состояние и перспективы: материалы междунар. конф., Залесье (Сморгонский район), 4–5 сентября 2003 г. — Минск: Четыре четверти, 2003. — С. 90–123.

ментированно показал перелом в развитии местного «польского» хозяйства: он отмечал, что до 80–90-х гг. XIX в. существовали лишь оазисы с молочным хозяйством и селекцией скота, так как среди архивных источников, в отчётах губернаторов, в научных публикациях современников той эпохи имелись немногочисленные и фрагментарные свидетельства наличия «правильно организованного молочно-товарного хозяйства»³. Данное утверждение правомерно и с учётом того, что ещё П. Г. Козловский доказал распространение во владениях магнатов на белорусских землях (Радзивиллов, Сапег, Хрептовичей и др.) торгового скотоводства с 30–40-х гг. XVIII в., в том числе основание торгового масло- и сыроделия⁴. Безусловно, приход Российской администрации для этой части элиты общества Речи Посполитой имел негативное значение: политические репрессии, рост налогообложения и государственных повинностей, распространение на всех крестьян, включая частнособственных, подушного оклада, ограничение прав владельцев крепостных и их возможностей по изъятию экономических благ.

Известно, что после подавления Январского восстания 1863 г. Российская империя сформировала на своих западных окраинах своеобразный «ограничительный режим», который экономически, политически и социально дискриминировал местное дворянство «польского происхождения» (фактически, католиков, которые в 1862 г. составляли среди владельцев имений 93,3%). А. П. Житко отметил ряд негативных последствий подобной ситуации: изъятие львиной доли доходов местных помещиков с помощью контрибуционного сбора в 1863–1897 гг., что, в свою очередь, повлекло кризис животноводства в 1860–70-е гг. и усугубило выше обычного тяготы местного «польского» дворянства; умышленное сохранение сервитутов и чересполосицы⁵. К этому следует прибавить: конфискацию и секвестр 256 имений (свыше 0,5 млн десятин) тем или иным образом причастных к восстанию землевладельцев; ограничение развития местного земельного рынка и лишение местного дворянства тех возможностей кредита, которые, например, были у российских помещиков (Дворянский поземельный банк не действовал в Беларуси); не благоприятная для местных производителей железнодорожная тарифная политика⁶. Вместе с тем А. П. Житко доказал поражение дискриминационной политики России на белорусских землях: местное дворянское землевладение оказалось относительно российского гораздо более устойчивым и экономически успешным⁷.

Несомненной заслугой исследователя можно считать то, что он опроверг как односторонний доминировавший в белорусской историографии (советской и народнической) тезис о том, что дворянское имение было тормозом развития капитализма в сельском хозяйстве и промышленности⁸. В целом, А. П. Житко приходит к заключению, что «значительная часть» местных помещиков, а латифундисты (с более 500 дес.) «все» — сформировали успешное капиталистическое хозяйство, особенно благодаря

³ Жытко, А. П. Дваранства Беларусі перыяду капіталізму, 1861–1914 гг. / А. П. Жытко. — Мінск: БДПУ, 2003. — С. 157.

⁴ Козловский, П. Г. Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в. / П. Г. Козловский / Минск: Наука и техника, 1974. — С. 54–57.

⁵ Жытко, А. П. Указ. соч. — С. 69, 88, 109–113.

⁶ Там же. — С. 78–79, 82–84, 90, 97, 156.

⁷ Там же. — С. 46, 48, 57–59, 66, 69, 73, 75, 78–80, 84–85.

⁸ Там же. — С. 32, 83.

переориентации в 1890-е гг. с «чисто зернового» на животноводческое хозяйство (молочное, молочно-мясное и племенное)⁹. Обратим внимание, что тем самым были уточнены известные ранее положения Л. П. Липинского и Х. Ю. Бейлькина об успехе местного молочного хозяйства в имениях¹⁰. В. П. Панютич в своей принципиально важной статье 1998 г. также оценивал влияние «ограничительного законодательства» как тормоз развития земельного рынка в Беларуси и как вызывающий стагнацию в экономике (особенно в отношении экономической инициативы местных помещиков)¹¹.

Касаясь основных положений современной польской историографии по проблеме, отметим, что она рассматривает экономическую конкуренцию на белорусских землях как один из «фронтов» (за землю и имения) против русификации, которую вела польская элита в крае. Вместе с тем Анджей Романовский отмечает, например, большую распространённость «органического труда» в Северо-Западном крае, чем в Королевстве Польском («коренных землях»)¹². А. Романовский и Р. Юрковский также отмечали успехи Минского и Гродненского Обществ сельского хозяйства, а также исключительную предпринимательскую и просветительскую работу Эдуарда Вайниловича и Константина Скирмунта¹³. Р. Юрковский, подробнее сосредоточившийся на экономических и социальных процессах в Беларуси, признавал негативным влияние государственной политики на хозяйство в имениях Беларуси¹⁴.

Таким образом, как можно оценить влияние государственной политики на предпринимательскую инициативу дворян на территории Беларуси после 1861 и 1863 гг.? Безусловно, ограничительное законодательство поражало в правах огромную часть местных помещиков. Например, в Гродненской губернии на 1863 г. из 5589 владельцев имений «поляками», или «католиками», считались 5506 (или 98,5%), которые, в свою очередь, владели 99,4% всех имений и 97,2% помещичьих земель губерний¹⁵. В Минской же губернии из 3411 владельцев католиками были 3270 (или 95,9%), которые владели 93,6% имений и 76,5% земли в имениях¹⁶. О значимости данной категории населения в жизни местного сообщества в то время говорит то, что, например, в Минской губернии помещики владели 85% всей земли в губернии (или 6,95, или 6,95 млн дес. из 8,18 млн дес.)¹⁷. Если учесть, что крупнейшим помещиком-

⁹ Там же. — С. 156, 77–78; Жытко, А. П. Дваранства ў сацыяльна-еканамічным жыцці Беларусі перыяду капіталізму. 1861–1914 гг.: аўтарэф. дыс.... д-ра гіст. наук: 07.00.02. — Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2003. — С. 32.

¹⁰ Гісторыя БССР: у 5 т. / рэдкал.: І. М. Ігнаценка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. Т. 2: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.) / К. І. Шабуня [і інш.]. — 1972. — С. 261–262; Бейлькин, Х. Ю. Сельскохозяйственный рынок Белоруссии 1861–1914 гг. / Х. Ю. Бейлькин. — Минск: Наука и техника, 1989. — С. 72–75, 139–140, 201–202, 205.

¹¹ Панюціч, В. Нацыянальны аспект паземельнай палітыкі царызму на тэрыторыі Беларусі эпохі капіталізму (1861–1917 гг.) / В. Панюціч // Беларускі гістарычны зборнік. — 1998. — № 10. — Ч. I. — С. 41–55; Ч. II. — С. 107–125.

¹² Romanowski, A. Pozytywizm na Litwie / A. Romanowski. — Kraków: Universitas, 2003. — S. 266–273.

¹³ Ibid. — S. 266; Jurkowski, R. Ziemiaństwo polskie kresów Połnocno-Wschodnich, 1864–1904. Działalność społeczno-gospodarcza / R. Jurkowski. — Warszawa: Duo, 2001. — S. 179–208, 302–311.

¹⁴ Ibid. — S. 115–119.

¹⁵ Schmidt, W. Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej w gubierniach Wileńskiej, Grodzieńskiej i Mińskiej (1793–1875) / W. Schmidt. — Warszawa: Główny Urząd Statystyczny, 1922. — S. 45.

¹⁶ Ibid. — S. 46.

¹⁷ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального Штаба / сост. И. Зеленский; гл. ред. ген.-лейт. кн. Голицын. — СПб.: Воен. тип., 1864. — С. 75.

землевладельцем не только в Минской губернии, но и в Российской империи был князь-лютеранин П. Л. Витгенштейн (лишь в Минской губ. у него было до 0,9 млн дес.), то исключительное значение и роль местного «польского» дворянства встаёт со всей очевидностью. Иное дело, насколько сильный был нанесён удар местному, так называемому «польскому», землевладельческому дворянскому сообществу в результате имперской политики после 1863 г.

Известно, что в пяти западных губерниях (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская, Могилёвская), согласно Ю. Качковскому, было конфисковано после восстания 1863 г. 880 имений с 305 614 дес. (стоимость 2,2 млн руб.). Это составило 62,7% ко всем 1404 имениям, изъятым в пользу казны после восстания в девяти западных губерниях (Северо-Западного и Юго-Западного края). При этом земли в этих 880 имениях было 65,3% ко всем 1404 всего «Западного края», но она составляла лишь 45,3% их стоимости¹⁸. Следует вывод о недостаточно высокой стоимости имений, изъятых в пользу государства у лиц, причастных к восстанию. Так, ещё В. П. Панютичем было установлено (на основании архивных материалов), что конфискованные и попавшие в секвестр имения были, как правило, отягощены долгами и часто имели плохое хозяйство. Историк проследил ситуацию, когда в дальнейшем эти имения находились под наблюдением чиновников и арендаторов, но хозяйство в них не налаживалось, и казна удовлетворялась небольшими доходами от этих имений¹⁹. То же отмечал в своей работе исследователь и очевидец событий Л. Солоневич²⁰. Неудивительно, что казна по приобретении этих имений (чаще всего они находились под контролем местных казённых лесничеств и управлений государственных имуществ) стремилась их поскорее продать²¹. Следует отметить, что процесс продажи конфискованных имений сталкивался с трудностями: 1) плохое качество строений и угодий в имениях; 2) на Полесье это ещё и неурожайные почвы; 3) отсутствие значительных местных покупателей; 4) сопротивление местной дворянской среды внешнему вторжению; 5) необходимость крупных вложений для ведения рентабельного хозяйства в имениях. Все эти обстоятельства срабатывали вопреки политике широкого поощрения к приобретению и укоренению русских землевладельцев в регионе. Об этом писал, например, очевидец эпохи А. Владимиров, но связывал их не с объективными обстоятельствами, а с колебаниями в политике «располячивания» из-за пристрастий того или иного Виленского генерал-губернатора²².

¹⁸ Kaczkowski, J. Konfiskaty na ziemiach polskich pod zaborem rosyjskim po powstaniach 1831 i 1863 r. / J. Kaczkowski. — Warszawa: Drukarnia i Litografia p. f. «Jan Cotty», 1918. — S. 284.

¹⁹ Панюціч, В. Національны аспект пазімельнай палітыкі царызму на тэрыторыі Беларусі... — С. 47–50.

²⁰ Солоневич, Л. Короткий исторический очерк Гродненской губернии за столетие её существования, 1802–1902 / Л. Солоневич. — Гродно: Губ. тип., 1901. — С. 88.

²¹ Кахнович, В. А. Эканамічныя наступствы падаўлення паўстання 1863–1864 гг. на Берасцейшчыне / В. А. Кахновіч // Кастусь Каліноўскі і яго эпоха ў дакументах і традыцыях: матэрыялы VII міжнар. навук. канф. Беларус. гіст. тав-ва, Мінск, 25 верасня 2009. — Мінск: БГТ; Польскі Ін-т у Мінску, 2011. — С. 86–92; Кохнович, В. А. Туровское лесничество как субъект государственной собственности в середине XIX — начале XX ст. / В. А. Кохнович // Палітычныя, сацыяльна-эканамічныя і этнакультурныя працэсы на тэрыторыі Беларусі ў XIX — пачатку XX ст.: Да 150-годдзя скасавання прыгоннага права ў Расійскай імперыі: матэрыялы Рэсп. навук.-тэар. канф., г. Минск, 4 сак. 2011 г. — Мінск: БДПУ, 2011. — С. 186–189.

²² Владимиров, А. О русском землевладении в Северо-Западном крае / А. Владимиров // Русское обозрение. — 1894. — Т. XXVIII: Июль — август (подшивка). — С. 228.

Отметим, что доля изъятых после восстания имений к их общему числу была относительно невелика. Так, согласно В. Шмидту, в Гродненской губернии было изъято и продано под давлением правительства 326 имений с 287 323 дес. за 13 341 762 руб.²³ В том числе были проданы по прямому принуждению 59 имений (672 098 дес.), из них 39 (54 084 дес.) — самими бывшими владельцами. Следует, во-первых, что всего под давлением правительства было продано 5,8% имений (14,3% земли) или 5,9% (14,8% земли) имений владельцев-католиков. Если же соотнести указанные цифры с теми, что приводятся Ю. Качковским, то получим 3,2% имений с 3,7% земли во всех имениях Гродненской губернии. Те же расчёты по отношению к Минской губернии дают 5,5% имений с 2,1% земли (по Качковскому) или 15% имений с 8,7% земли (по Шмидту). Ранее было установлено, что более значителен (в 2 раза больше, чем в среднем по Гродненской и Минской губерниям) был удельный вес изъятых из владения местных дворян имений на Полесье. Также установлено, что это связано как с более крупным размером владений в Полесском регионе (самые крупные конфискованные и секвестрованные имения находились именно в регионе), так и низкой доходностью имений (сказывались природные условия края).

Относительно слабый уровень развития хозяйства в имениях и относительно небольшую долю имений, подвергшихся принудительному отчуждению у владельцев в силу ограничительных законов после восстания 1863 г., следует распространить на всю территорию Беларуси. Хозяйство же насаждённых в крае «русских» помещиков современники (Л. Солоневич, А. Владимиров, П. Жукович, Ф. К. Глинка, В. Свентицкий, Ц. Гедройц и др.) оценивали как неудачное: преобладала передача имущества в пользование арендаторам, которые хищнически распоряжались временно пользовавшей ими собственностью. На примере крупнейших владений в Беларуси (Радзивиллов, Паскевичей, Витгенштейнов, Гогенлое и др.), изученных на основании архивных материалов, возможно сделать то же заключение²⁴. При этом следует отметить «непрямые» негативные последствия ограничительного курса имперской администрации: поощрение местными властями судебных исков чиншевиков к землевладельцам из-за прав владения земельными участками; поддержка крестьянских претензий на сервитуты и сохранение последних вопреки хозяйственной логике; ограничение прав собрания и перемещения, что, например, сказывалось на развитии деловых контактов и участии в ярмарках местных «польских» землевладельцев; задержка и усложнение выплаты выкупных сумм местным помещикам; лишение местных помещиков-«поляков» доступного государственного кредита. А. Владимиров, например, совершенно верно, хотя и пристрастно (как русский националист), объяснял колебания местной администрации в проведении жёсткой политики по «располячиванию»: сказывалась естественная потребность в смягчении данного курса из-за значимости местного дворянства в экономике края.

Особо следует остановиться на «контрибуционном сборе»: вместе со сбором в пользу православной церкви и духовенства — половина государственных податей. «Контрибуционный сбор» существовал в 1863–1897 гг. и создавал ситуацию, при

²³ Schmidt, W. Geneza prywatnej rosyjskiej własności ziemskiej... — S. 50–55.

²⁴ Кохнович, В. А. Хозяйство и доходы Радзивиллов в XIX — начале XX в. / В. А. Кохнович // КЛИО. — 2012. — № 4. — С. 46–54; Кохновіч, В. А. Гаспадаранне ў маёнтках Палескага рэгіёну Расійскай імперыі ў 1861–1914 гг: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. — Мінск: БДУ, 2010.

которой местные землевладельцы-католики уплачивали в расчёте с 1 дес. в 2,2 раза больше податей, чем иные частные землевладельцы края (35,7 и 16 коп. соответственно)²⁵. Данный сбор составлял изначально 10% доходов имений, затем — 7% и 5%. Причём речь идёт не о «чистом» доходе (прибыли), а облагаемом сбором валовом доходе имения. В то же время, согласно известной в литературе оценке помещиков из Минской губернии А. Еловицкого и Е. Ковалевского, средние доходы имений помещиков в западных губерниях (т. е. прибыль в составе валового дохода) не превышали 2–3% в год²⁶. При всей сложности и недостатках бухгалтерского учёта в имениях²⁷ можно поставить такую низкую (2–3%) рентабельность хозяйства территории Беларуси под сомнение. Установлено, например, что у Несвижского ордината князя А. В. Радзивилла в 1875/1876 г. рентабельность хозяйства составляла 10,3% (311 305,39 руб. дохода и 279 318,8 руб. издержек), а без учёта займов (107 994,02 руб.) — 15,7%²⁸. При этом, конечно, до 45% всех доходов князя — крупного землевладельца — составляли поступления от аренды, а указанные в источнике государственные налоги — лишь 2,3% издержек (личные издержки князя, например, составляли 70%). В то же время у «русского» помещика светлейшего князя Ф. И. Паскевича в 1873 г. рентабельность Гомельской вотчины составляла 52%, а подати — 13,6% расходов²⁹.

Исходя из вышеприведённых данных, можем говорить о значительности факто-ра государственного вмешательства для развития дворянского предпринимательства в белорусском регионе: «польские» помещики были значительно угнетены, чем могло с пользой для себя воспользоваться «русское» дворянство, с учётом, к тому же, протекции самодержавия. Князь Ф. И. Паскевич как раз и олицетворяет пример успешного местного «русского» помещика-предпринимателя (лесное хозяйство, промышленность).

Касаясь же вновь условий ограничительной политики властей в западных губерниях, отметим и то, что они действовали неожиданно — как стимул для местных «польских» помещиков. Действительно, и современники, и исследователи в наше время отмечают успехи «позитивизма» на Литве в среде «краёвого земянства». Например, тот же стимул был у польского «земянства» Познаньшины и его не было в Галиции, где и уровень хозяйственного развития в итоге был сопоставительно ниже — при лучших природных условиях. При этом действительно эффективным началом следует считать предпринимательскую инициативу и личную позицию ряда помещиков — ведь в то время была сильна инерция прежнего дворянского сознания и «образа жизни», наблюдалось широкое бегство «земян» от хозяйственной деятельности в имениях.

²⁵ Жытко, А. П. Указ. соч. — С. 112.

²⁶ Бусько, В. Н. Экономическая мысль Беларуси в период 1861–1939 гг. / В. Н. Бусько. — Минск: Право и экономика, 2007. — С. 30.

²⁷ Кохнович, В. А. Материалы текущего учета Радзивиллов (XVIII–XIX вв.) как исторический источник / В. А. Кохнович // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени: сб. докл. Второй Междунар. конф. мол. учёных и спец-в «Clio-2012». — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 109–112.

²⁸ Кохнович, В. А. Гаспадаранне ў маёнтках Палескага рэгіёну Расійскай імперыі ў 1861–1917 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук. — Мінск: БДУ, 2010. — С. 203.

²⁹ Там же. — С. 211.